

2. Интернет-газета вільної молоді «Молодежная правда» – 4 липня 2006 р. [Електронний ресурс] / Режим доступу: <http://bum.org.ua/?lang=ru&pubId=14286>
3. Хмельницкая А.П. Спасенное детство. – М.: Моск. рабочий. – 1987. – 128 с.
4. Жукова Л., Ульянова Г. Не имея родного угла. Исторический опыт борьбы с беспризорностью детей. // История. – 2003. - №39-40.
5. Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие// Вопросы истории. – 2000. – №11. – 134-139.
6. Рожков А.Ю. Беспризорники // Родина. – 1997. - №9. – с. 70-76.
7. Организация воспитания беспризорного ребенка//Женский журнал. – 1926. - №9. – с. 2-3.
8. А.Ю. Беспризорники // Родина. – 1997. - №9. – с. 70-76.
9. Организация воспитания беспризорного ребенка//Женский журнал. – 1926. - №9. – с. 2-3.
10. Державний архів Донецької області (Далі – ДАДО). – Ф.1. – Оп.1. – Спр.2058. – Арк. 4.
11. Там само. – Арк. 4.
12. Там само. – Арк. 5.
13. Там само. – Арк. 6.
14. Там само.
15. ДАДО. – Ф.1. – Оп.1. – Спр.1600. – Арк. 7.
16. Там само. – Арк. 4.
17. ДАДО. - Ф. 1. - Оп.1. - Спр.854. - Арк. 41.
18. Там само. - Арк. 42.
19. ДАДО. – Ф. 1. – Оп.1. – Спр.374. – Арк. 54.
20. ДАДО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Спр. 322. – Арк. 3.

УДК 94 (470.3)

ДИСКУССИОННЫЙ АСПЕКТ О СОЗДАНИИ ПАМЯТНИКОВ КУЛИКОВСКОГО ЦИКЛА.

**Гаецкий В.С.
Шумейко Ю.Е.**

Трудно, да и, пожалуй, невозможно назвать другое событие средневековой Руси, которое бы запечатлелось в памяти поколений столько же ярко и прочно, как Куликовская битва. Об этой битве рассказывает ряд источников. Сражение на Дону упоминается в некоторых документальных материалах конца XIV – XV века, но описание самой битвы сохранилось только в нарративных памятниках XV – XVII столетий. В науке эти памятники принято объединять в одно целое и называть памятниками Куликовского цикла. Тем не менее, их условно можно разделить на три группы. К первой следует отнести летописные повествования о битве (несколько сотен списков летописных сводов). Вторую группу составляет «Задонщина» - поэма о победе над Мамаем, написанная в подражание «Слову о полку Игореве». В настоящее

время известно 6 списков «Задонщины», два из которых содержат небольшие фрагменты этого литературно-исторического памятника. Первые упоминания о «Задонщине» принадлежит чешскому слависту Йозеф Домбровский 1822г.[6;8]. В третьей группе находится «Сказание о Мамаевом побоище» - наиболее обстоятельное описание сражения русских ратей с полчищами Мамаю. Это описание до сих пор порождает сомнения в точности и достоверности содержащихся в нем данных. Сказание известно в 10 различных редакциях, оно сохранилось более чем в 150 списках, но по сей день остается одним из наименее изученных памятников Куликовского цикла, поэтому актуальность изучения этой страницы отечественной истории сохраняется. Сражение с Мамаем долгое время носило имя Донской битвы, и лишь в начале XIX века Карамзин Н.М, вероятно, опасаясь вызвать у своих читателей ассоциацию с «бунтарскими выходками»донских казаков Разина и Пугачёва, переименовал Донское сражение в Куликовскую битву.

Анализ памятников Куликовского цикла позволяет воссоздать такую картину их возникновения:

1380 г. – впечатления современников в Летописчике из Стихараря Троицкого монаха Епифания.

1380 г. – в Рассказе о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода.

1408 год – Краткая летописная повесть (Рогожский летописец и Симеоновская летопись – московский свод).

1418 г. – «Житие Сергия Радонежского».

1421 г.– Рассказ о Куликовской битве в Новгородской I летописи.

1425 г.– «Слово о житии и представлении Великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского».

70 гг. XV в.– краткая редакция «Задонщины» по Кирилло-Белозерскому списку.

70 гг. XV в. - Успенский синодик павших на Куликовом поле.

70 гг. XV в. - пространная редакция «Задонщины» по Синодальному списку.

20 гг. XVI в. – пространная редакция «Задонщины» по списку Государственного исторического музея (г. Москва).

Нач. XVI в. - «Сказание о Мамаевом побоище» по варианту В.М. Ундольского.

Сер. XVII в. - «Сказание о Мамаевом побоище» в редакции Летописца князя И.Ф. Хворостинина.

Сер. XVII в. – впечатления современников в «Задонщине» по Списку В.М. Ундольского[1;132].

1680 г. - «Сказание о Мамаевом побоище» в редакции Синописиса.

1681 г. - «Сказание о Мамаевом побоище» в редакции Пантелея Кохановского.

Кон. XVII в. – нач. XVIII в. - «Сказание о Мамаевом побоище» в основной редакции по Ермолаевскому списку.

Изучению столь многообразных и многочисленных источников посвятили свое внимание такие известные историки советского периода М.Н.Тихомиров, В.Г. Пашуто, Д.С. Лихачев, Каргалов В.В, Л.А. Дмитриев,

Ю.К. Бегунов, Кучкин В.А, Зимин А.А, и многие другие. Интерес Куликовской битве не пропал и в XXI в. выходят новые работы Похлёбкин В.В. «Татары и Русь» где подробно говорится о историографии Куликовской битвы. Целью моей работы будет проанализировать произведения Куликовского цикла их достоверность, а также выяснить какое самое раннее было написано о Куликовской битве.

Схематическое отображение происхождения повествований о Куликовской битве позволяет понять, под влиянием каких исторических событий они писались. Несомненно, более поздние версии переписаны из тех или иных более ранних источников. Так, в Новгородской I летописи младшего извода находим рассказ о Куликовской битве. Его анализ указывает на связь с «Летописной повестью» о Мамаевом побоище, помещенной в Новгородской IV и Софийской I летописях и восходящей к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в. Некоторые исследователи прямо указывают, что в Новгородской I летописи младшего извода помещен сокращенный вариант «Летописной повести». Эту мысль подтверждает своеобразная новгородская «окраска» текста в Новгородской I летописи, поскольку в нем сохранился выпад против устранившихся при виде Мамаевых полчищ «москвичей-небывальцев».

Проблема происхождения статьи 1380 г. Новгородской I летописи младшего извода интересовала великого русского ученого А.А. Шахматова. Он полагал, что в Новгородской I летописи кратко передан текст не непосредственно Новгородской IV, а ее источника — свода 1448 г. (т.е. 30-х гг. XV в., как А.А. Шахматов позднее датировал свод 1448 г. Кроме того, на основании нескольких чтений Новгородской I летописи, сходных с чтениями не Новгородской IV или Софийской I, а с чтениями Симеоновской летописи, А.А. Шахматов предположил, что на статью 1380 г. Новгородской I оказала влияние гипотетически восстанавливаемая Новгородская летопись 1433 г., где описание Куликовской битвы было заимствовано из Ростовской летописи. Последняя повлияла также и на протограф Симеоновской летописи, почему и возникло сходство Симеоновской с Новгородской I летописью.

М.А. Салмина, присоединяясь к предположениям А.А. Шахматова, предложила считать источником Новгородской летописи 1433 г. не Ростовскую летопись, а свод 1409 г., т.е. тот памятник, к которому восходят тексты статей 1380 г. Рогожского летописца и Симеоновской летописи

Я.С. Лурье не согласился с этим предположением М.А. Салминой, утверждая, что нет «никаких свидетельств влияния свода 1408 г. (Троицкой) на Новгородскую I младшего извода». Однако в главном Я.С. Лурье поддерживал своих предшественников, высказав догадку, что рассказ о Куликовской битве был заимствован составителями Новгородской I летописи младшего извода из Новгородско-Софийского свода 1448 г. на основе совпадения некоторых чтений Новгородской I летописи с Симеоновской летописью.

Однако изучение особенностей текстов этих памятников наталкивает на несколько другие выводы:

1. Целый ряд чтений, которые в Новгородской I летописи совпадают с Симеоновской, не содержатся ни в списках Новгородской IV летописи, ни в

списках Софийской I летописи. Следовательно, в Новгородско-Софийском своде, общем источнике Новгородской IV и Софийской I, таких чтений не было. И объяснять их появление в Новгородской I летописи влиянием Новгородско-Софийского свода нельзя.

2. В совпадающем тексте статей 1380 г. Новгородской IV и Софийской I летописей есть немало повторов, плохо связанных друг с другом мест, употреблены различные термины для обозначения одного и того же понятия. То есть в Новгородской I летописи даже слабо не отражаются перечисленные особенности Новгородской IV и Софийской I летописей. Рассказ о Куликовской битве в Новгородской I летописи достаточно последователен, в нем не заметно следов соединения разных источников. Данное обстоятельство заставляет совершенно по-иному характеризовать связь Новгородской I летописи с Новгородской IV и Софийской I летописями: не Новгородско-Софийский свод был источником повествования в Новгородской I летописи, а рассказ Новгородской I летописи был использован составителями Новгородско-Софийского свода. В самом деле, при описании сражения в Новгородской IV и Софийской I летописях отмечается его упорный характер: русский гнался за татаринном, а татарин за русским, «коиждо бо своего супротивника искавше побѣдити». Далее в обеих летописях приводятся мысли Мамаю: «власи наши растерзаются, очи наши не могут огненныхъ слезъ истачати...» и т.д. Далее в рассказе Новгородской IV и Софийской I летописей следует нелогичный переход от описания ощущения Мамаем своего поражения к описанию бегства москвичей-небывальцев: «Москвици мнози небывалци то видевшѣ, устрашишася и живота отчаявшеся...», что может быть объяснено обращением составителей Новгородско-Софийского свода к другому источнику [6; 32]. Таким источником и должна быть Новгородская I летопись младшего извода (или ее протограф), где имеется фраза о москвичах-небывальцах.

Если считать текст о Куликовской битве, помещенный в Новгородской I летописи младшего извода, первоисточником текста о битве Новгородско-Софийского свода, следует обратить внимание на такое текстологическое сходство рассказов о событиях 1380 г. Новгородской I летописи и Рогожского летописца (Симеоновской летописи):

Новгородская I летопись младшего извода	Рогожский летописец (Симеоновская летопись)
1. ...мѣсяца августа приидоша вести из Орды к великому князю Дмитрею и брату его князю Владимиру, яко же въздвизается на крестьяны измалтеиский род поганый.	1. ...мѣсяца августа приидоша от Орды вести къ князю к великому Дмитрию Ивановичю, аже въздвизается рать Татарьскаа на християне, поганый род Измалтескый...
2. [Мамаю] лють гневающуся ему на	2. [Мамай] лють гньвашеся на великаго

<p align="center">Новгородская I летопись младшего извода</p>	<p align="center">Рогожский летописец (Симеоновская летопись)</p>
<p>великого князя.</p> <p>3. Се же слышавъ князь великий Дмитреи Иванович.</p> <p>4. ...събравъ многие вой и поиде противу...за Донъ, и бь ту поле чисто на усть рьць Непрядвы, и ту исполчишася...</p> <p>5. И абие съвъкупишася (<i>съступишася — К</i>) полкы обои. И бысть брань на длгъ час зпо, и устраши богъ невидимою силою сыны Агарины. И обратиша плещи на раны (<i>язвы — К</i>)...</p> <p>7. ... от оружия падоша, а инии в рьць истопишася бесчисленное их множество...</p> <p>8. ...князь бьлозерский Федоръ и сынъ его князь Иванъ...</p> <p>9. Князь же великий Дмитрии ... ставъ на костех... прехвалными побьдами (<i>нет — К</i>) и (<i>нет — К</i>) похвалами прославиша пречистую Матерь Божию Богородицу, крьпко бравшеся съ иноплеменники за святыа божиа церкви, за правовьръную вьру, за всю Рускую землю... [5; 25-26]</p>	<p>князя Дмитриа.</p> <p>3. Се же слышавъ князь великий Дмитреи Ивановичъ, собравъ воя многы, поиде противу их.. 4.за Донъ, и бысть поле чисто и велико зьло... бь во поле чисто на усть Непрядвы. И ту изопльчишася...</p> <p>5. ...и сосступишася обои, и бысть на длзь, час брань крьпка зьло...</p> <p>6. Богъ во невидьмою силою устраши сыны Агаряны, и побьгоша, обратиша (<i>чтение Симеоновской летописи</i>) плещи свои на язвы, и мнози оружием падоша, а друзии в рьць истопоша.</p> <p>7. ...князь Федоръ Романович Бьлозерский, сынъ его князь Иванъ Федорович...</p> <p>8. Князь же великий Дмитреи Иванович... ставъ на костехъ ... похвали похвалами дружину свою, иже крьпко бишася съ иноплъменники и твердо за нь брашася...</p> <p>9. ...за святыа церкви и за правовьръную вьру христианьскую и за всю Рускую землю... [5; 25- 26].</p>

В рассказах о Куликовской битве этих летописей совпадают 9 отрывков, причем отрывку 3 в Рогожском летописце соответствуют отрывки 3 и 4 Новгородской I летописи младшего извода, разделенные между собой одной фразой, а отрывку 9 Новгородской I летописи соответствуют отрывки 8 и 9 Рогожского летописца, друг с другом не связанные. Такие совпадения позволяют сделать вывод, что при составлении статей 1380 г. и Новгородской I летописи младшего извода, и Рогожским летописцем был по-разному использован общий источник.

Обратимся к другому, не менее противоречивому вопросу. В летописях даются крайне неоднозначные сведения о количестве русских войск. 100 тыс. русских войск называет Новгородская I летопись [3; 22]. В Устюжской летописи их 300 тыс. [цит по: 4, с. 58]. А.Н. Кирпичников считает, что количество русских войск вряд ли превышало 50-60 тыс. Если исключить обозных и фуражиров, то численность тактических единиц, непосредственно участвовавших в битве, предположительно равнялась 40-45 тыс. человек [5; 65-66]. С.З. Заремба считает, что количество русских и ордынских войск вряд ли

превышало 100 тыс. чел. [6; 71]. Исходя из рассмотренных точек зрения, считаем наиболее верной гипотезу А.Н. Кирпичникова, подкрепленную рассуждением, что на Куликовском поле просто невозможно разместить более 50-60 тыс. человек с каждой стороны. Так как длина поля – 2,5 – 3х4 км.

Место битвы было, по мнению Н.А. Хотинского, «за Доном на устье Непрядвы» [7; 14]. И в «Задонщине» Куликово поле многократно связывается с рекой Непрядвой [5; 44]. Продолжим мысль Хотинского: Куликовская битва произошла в Тульской области в Куркинском районе на правом берегу устья реки Непрядва недалеко от сел Рожествено - Монастырщина и Татинка.

Возникает вопрос, если даже в наше время в этом месте близко расположены населенные пункты, возможно, и во времена битвы в этих местах существовали поселения, то почему многие историки считают Куликово поле «диким». Ответ можно найти в книге Н. А. Хотинского, где подчеркивается, что природно-географическая среда района битвы была изучена слабо [7; с. 5]. Именно поэтому с 1981 г., в районе Непрядвы начала работать объединенная группа археологов, палеографов, почвоведов, геоморфологов, палеоботаников и других специалистов-естественников. И действительно, в результате исследований в районе Непрядвы, был открыт целый комплекс древнерусских селищ и городищ XII-XIV вв., население которых задолго до исторической битвы занималось земледелием и скотоводством. Археологические раскопки, находки древней пыльцы и культурных злаков со всей очевидностью показали, что Куликово поле в это время не было «диким», как традиционно считалось до сих пор. Оно интенсивно заселялось и обрабатывалось русскими земледельцами [7; 12].

В свете этих данных становится возможным уточнить происхождение названия «Куликово поле». Можно предположить, что оно произошло от слова «кулига». Это слово, по В. Далю, означает кулика (птица) и одновременно «ровное место» чистое и безлесное, отличное растительностью, травой, ягодами, урожаем хлеба, а также «пожню» - покосом, сенокосом на низменных, нередко пойменных луках [7 ; 21]. Ясно, что в словаре В. Даля речь идет о пойменной кулиге: «речка дала кулигу, колено, образовав по одну сторону сухую кулигу, мыс, по другую — морскую заводь, поименный лужок». Под коленом надо понимать речную излучину, а под «морской заводью» — старичный водоем, то есть два элемента ландшафта, типичных для долины Непрядвы в древности [7; 8]. Таким образом, название Куликова поля, по всей видимости, имеет не «птичью», а ландшафтно-сельскохозяйственную основу, связанную с деятельностью поселившихся здесь древнерусских хлеборобов.

Вывод: Рассмотренные данные помогли разобраться какой самое раннее произведение о Куликовской битве, а также откуда пошли названия «Куликово поля» и Куликовская битва. Исход Куликовской битвы оказал глубокое воздействие на политическое, общественное и культурное наследие страны. На основании приведенных фактов можно продолжить исследование подготовки и Руси и Орды к Куликовской битве , а также построению построение русской рати на Куликовом поле.

Литература

1. Пространная редакция «Задонщины по списку В. М. Ундольского // Памятники Куликовского цикла / Сост.: А.А. Зимин, Б. М. Клосс, Л.Ф. Кузьмина, В.А. Кучкин. – СПб.: Изд-во БЛИЦ, 1998.- 414с.
2. Рассказ о Куликовской битве в Софийской I летописи старшего извода // Памятники Куликовского цикла / Сост.: А.А. Зимин, Б.М. Клосс, Л.Ф. Кузьмина, В.А. Кучкин.- СПб.: Изд-во БЛИЦ, 1998.- 414с.
3. Рассказ о Куликовской битве в Новгородской I летописи // Памятники Куликовского цикла / Памятники Куликовского цикла Сост.: А.А. Зимин, Б.М. Клосс, Л.Ф. Кузьмина, В.А. Кучкин. – СПб.- Изд – во БЛИЦ 1998.- 414с.
4. Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XII - XVI вв. 1238-1598 гг. (От битвы на реке Сить до покорения Сибири). - М.: Международные отношения, 2005. - 192 с.
5. Кирпичников А.Н. Куликовская битва - Л.: Наука, 1980.- 124с.
6. Заремба С.З. Куликовська битва та її історичне значення - К.: Наукова Думка, 1980.- 104с.
7. Хотинский Н.А. История и география Куликова поля. – М.: Знание, 1988.- 64с.

УДК 81'373.7

ФРАЗЕОЛОГІЯ ГОВІРКИ СЕЛИЩА НОВОТРОЙЦЬКОГО ВОЛНОВАСЬКОГО РАЙОНУ ДОНЕЦЬКОЇ ОБЛАСТІ

**Гарбера І. В.
Омельченко З. Л.**

На сучасному етапі розвитку лінгвістики проблема дослідження діалектної фразеології залишається надзвичайно актуальною. Вона є тим більш цікавою і важливою, що саме у діалектній (народній) фразеології відбито живі мовні процеси, виражена здатність носіїв мови чітко реагувати на явища навколишньої дійсності.

Хоча фразеологія українських народних говорів почала активно фіксуватися від 40-х років XIX ст. (переважно у складі різноманітних пареміологічних збірників, а також словників), проте активне теоретичне вивчення діалектних фразеологізмів почалося лише в середині XX ст.

1959 року Б. Ларін у програмній доповіді “Про народну фразеологію” окреслив місце діалектної фразеології в системі наук, визначивши актуальні завдання щодо її вивчення, серед яких: розмежування діалектної і літературної фразеології, створення обласних словників, необхідність тривалих і успішних пошуків та записів фразеологічного матеріалу з усієї території поширення української мови.

Над вирішенням цих завдань працювало багато вчених. З опублікованих праць необхідно відзначити такі: “Лексичні діалектизми у складі фразеологізмів української літературної мови” (1977) Москаленко Н. А.,